

Святослав Рерих в своей мастерской,
у портрета Индиры Ганди. Имение «Татгуни», 1985

СВЯТОСЛАВ РЕРИХ: СТРЕМИТЕСЬ К ПРЕКРАСНОМУ

Интервью с Адити Васиштхой,
директором школы им. Ауробиндо Гхоша (Бангалор, Индия)

Адита Васиштха, близкая сподвижница Святослава Рериха, известна в России благодаря своему уникальному педагогическому опыту. В отечественной периодике неоднократно публиковались статьи о ее деятельности на посту директора школы им. Ауробиндо Гхоша. В становлении и развитии этой школы неоценимое участие принимал Святослав Рерих. За годы многолетней дружбы у Адити Васиштхи накопились живые впечатления, дающие богатый материал к биографии художника. Именно поэтому редакция решила поместить в юбилейном выпуске журнала нижеследующее интервью. Его удалось получить во время пребывания в Бангалоре небольшой российской группы в 2001 и 2002 годах. Интервьюировали Адити Васиштху главный редактор журнала Владимир Росов и член редакционного совета Антон Малыгин.

— Почему ваша общеобразовательная школа носит имя Шри Ауробиндо?

Потому что мы — ученики Шри Ауробиндо! Я выросла в ашраме Шри Ауробиндо. Когда мне было всего 5 лет, отец и мать взяли меня в его ашрам в Пондичерри, и я воспитывалась там. Там же я начала свое образование, с 1953 года, у Божественной Матери Миры Ришар. Мы глубоко усвоили ее принципы и духовные ценности, и когда наша семья переехала в Бангалор, мы организовали школу, которой дали имя Шри Ауробиндо.

Школа была открыта приблизительно в 1961-1962-м году. Начало положила моя старшая сестра Эспуар. Это французское имя, оно означает «надежда».

— Какие принципы лежат в основе образовательных программ в школе Шри Ауробиндо?

Главный принцип — создать для детей атмосферу счастья, любви, свободы в мыслях. Чтобы они учились радостно и вырастали утонченными людьми, с необ-

ходимыми человеческими качествами: честными, искренними, сердечными. Мы с удовольствием занимаемся с детьми всеми предметами, но, изучая предметы, в дополнение к ним они должны развить в себе интегральную, совершенную, утонченную личность, стать достойными людьми, гражданами мира.

— И как им это удается?

Дети изучают различные предметы, занимаются музыкой, танцами, учат санскрит, поют шлоки. И всё это происходит в атмосфере любви, благожелательности, товарищества. У детей очень много занятий, которые они любят. Общение с учителями для них радость. Я настаиваю на том, чтобы учителя относились к своим ученикам, как к собственным детям.

— В чем отличие вашей школы от остальных индийских школ?

Не знаю, смогу ли сказать вам об отличиях, потому что я не хожу в другие школы. В нашей школе мы создаем для

детей атмосферу радости и любви, атмосферу чистоты и желания развиваться и в то же время воспитываем у них внутреннюю дисциплину. Может быть, где-нибудь еще учат тому же, может, не учат в достаточной степени. Не могу судить об этом. Мы исповедуем определенные принципы жизни и образования и осуществляем их в нашей школе. Мы создали школу радостного мира учения.

— *Какое участие принимал Святослав Рерих в становлении вашей школы?*

Доктор Рерих принимал участие в моем собственном становлении. Поэтому, что бы я ни делала — во всем принимал участие и он. Святослав Николаевич интересовался проблемами образования и был очень рад открытию этой школы. Когда бы ни приезжали к нему русские люди или разные делегации, он первым делом вел их в Художественную Академию — Читракала Паришад, и в нашу школу. Он очень хотел показать людям, что школа может быть прекрасной и дети могут расти в радости, как это происходит здесь. Всегда, когда у меня появлялись вопросы, затруднения в делах, я советовалась с ним. Это было для меня неизменной поддержкой. Никогда я не чувствовала себя одинокой. Доктор Рерих всегда был готов прийти на помощь советами, и его наставления исходили из очень высокого источника, потому что он сам был очень высоким человеком. Так что степень его участия в жизни школы была огромной. А что касается финансовой стороны, то здесь его помощь не требовалась, школа и так получала достаточно средств. Единственное, что нам было нужно, — это моральная поддержка. Мой отец, доктор Сантошананд, и мой брат, и мать, и сестра — все мы много работали, и Святослав Николаевич всегда очень высоко оценивал нашу работу, поддерживал ее. Это большое участие.

— *Мы только что видели фотографии, подтверждающие ваши слова. Когда*

да Святослав Рерих посещал школу, о чем он говорил с детьми?

О, он разговаривал с учениками и с учителями и давал прекрасные идеи, беседа с ним всегда была чрезвычайно интересной. Прежде всего, у него был чудесный голос, который звучал необыкновенно притягательно — густой, богатый голос. Когда он начинал говорить, все слушали внимательно. Кроме того, Святослав Николаевич обладал блестящей индивидуальностью и производил очень сильное впечатление. Перед ним невозможно было не преклоняться. Он вызывал естественное чувство любви и преклонения. И при этом был прост в общении — улыбался, радостно говорил что-то. Жесты его рук всегда были красивы и изящны — ведь он был художником. Каждое движение было в высшей степени прекрасно. Глаза всегда светились любовью. Когда он смотрел на кого-либо, можно было видеть, как любовь льется потоком. Нам доставляло наслаждение находиться в его присутствии, в его ауре. Мы были просто счастливы.

Святослав Николаевич говорил детям, чтобы они всегда старались делать всё настолько хорошо, насколько это возможно. Он говорил: «Даже если это небольшое дело, всё же делай его сегодня лучше, чем делал вчера, и ты достигнешь своей цели — совершенства. Никогда не сдавайся. Старайся изо всех сил». Его неизменным советом было: «Стремитесь к прекрасному!»

— *Когда и при каких обстоятельствах вы встретили Святослава Рериха? Ваше первое впечатление?*

Я встретила его в очень духовно насыщенной обстановке. Это произошло в октябре 1977 года. Он пришел в Бангалорский университет в Сенат-холл, чтобы выступить с лекцией. В газете, в рубрике «События в городе», я прочитала: «Беседа со Святославом Рерихом

Адिति Васиштха. Начало 1990-х

в Сенат-холле на тему «Гуманизм в искусстве»». Эта тема много значила для меня. В то время я была связана с университетом. Закончила Бангалорский университет, получила диплом по специальности английский язык, уже пять лет его преподавала и только начинала заниматься делами нашей школы. Когда я увидела имя Святослава Рериха в объявлении, оно показалось мне очень приятным, гармоничным, и я решила обязательно посетить лекцию, тема меня заинтересовала. Пошла в университет одна. Сенат-холл — великолепное здание красного цвета, окруженное огромными старыми деревьями, покрытыми зеленью. Старинное здание в готическом стиле, со своеобразными окнами и дверями, как в соборе. Оно и производило впечатление собора. Доктор Рерих должен был выступать там.

Он оказался единственным выступающим на этом вечере, хотя обычно там бывало два или три докладчика. Зал был полон. Я не могла найти место, где бы сесть. В середине зала был проход. Я направилась туда и, сама не знаю как, нашла один стул, рядом с проходом, в самом центре зала. Села там, держа спину прямо, глядя прямо перед собой. Выступление началось вовремя, и чудесный голос заполнил зал. Так я впервые увидела Святослава Николаевича. Он говорил очень долго, около полутора часов. У меня сохранился текст выступления (Читракала Паришад издал его в виде брошюры)*. И на протяжении всей лекции в зале царило полнейшее

* На русс. яз. см.: «Гуманизм — состояние ума и сердца» в кн.: С.Н.Рерих. Стремитесь к прекрасному. М.: МЦР, 1993.

внимание и сосредоточенность на каждом слове, которое произносил Святослав Николаевич. Глубоко внутри у меня возникло чувство, что всё, что он говорит, я принимаю всем своим существом. Он выражал в словах то, что я переживала, но сама до сих пор не могла выразить. Таким было мое первое соприкосновение с личностью доктора Рериха, его философией, его истинным «Я». Мои глаза были поглощены созерцанием его лица, оно казалось сияющим. Было послеобеденное время, и солнце светило из-за спины Святослава Николаевича, заливая всё помещение светом. Это был чудесный момент.

Позже доктор Рерих говорил мне, что тогда в толпе заметил мое лицо. «Я увидел, — сказал он, — есть человек, который слушает меня с подлинным интересом». После доклада он шел в окружении людей по проходу, где я сидела, и все стоя приветствовали его. Когда он поравнялся со мной, я тоже поприветствовала его и поблагодарила за замечательный доклад. Он пожал мою руку, и я поняла, что передо мной тот идеал, который я искала. Тогда мы сказали друг другу лишь несколько слов, потому что было много людей, они тоже хотели поговорить с ним. Но он обернулся к секретарю: «Пожалуйста, дайте ей телефон и адрес нашего офиса». А мне сказал: «Пожалуйста, приходите, и мы продолжим разговор на эти темы». Так я впервые встретила со Святославом Рерихом.

— *О чем шла речь в той лекции?*

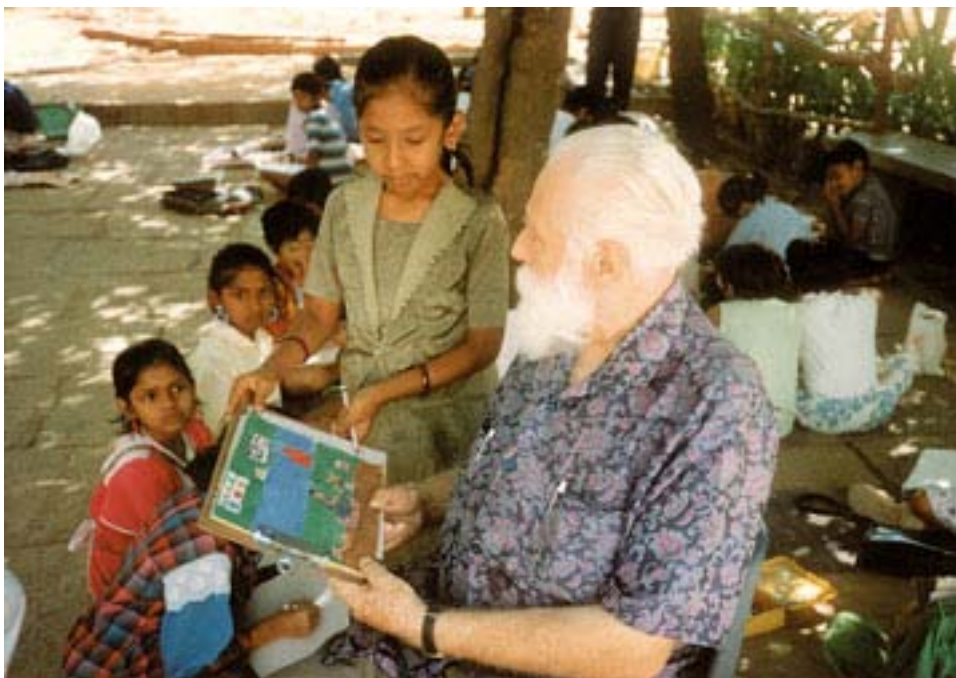
Доктор Рерих говорил о том, что такое подлинное искусство и как оно воздействует на человечество. Искусство становится живым только тогда, когда оно едино с внутренним существом человека, когда оно возвышает, возносит нашу жизнь. Он приводил множество высказываний писателей, художников, переплетая их со своими собственными идеями. Могу привести вам один замечательный пример, строки из Платона:

«Прекрасные образы ведут нас к прекрасным мыслям, прекрасные мысли — к красивой жизни, красивая жизнь — к абсолютной Красоте». Я помню, как Святослав Николаевич произносил эти слова. Моя душа впитывала каждое его слово как бальзам. Я никогда не встречала никого столь величественного, простого и прекрасного. И я приняла этого человека как своего Учителя.

— *Вы видели, как Святослав Рерих пишет картины?*

Да, конечно. Он обычно работал в студии по утрам. В 6 утра или около того спускался из своей спальни. Первыми его встречали охранники. Они отдавали ему честь. Это было ранним утром, когда только начинали петь первые птицы. Затем он шел по саду по прекрасной узкой дорожке. Поднимался по ступенькам, открывал дверь студии и два-три утренних часа проводил в ней. В это время он писал картины. Иногда я приходила к нему по утрам, чтобы помогать в работе. Была полная тишина. Он говорил очень мало. Но казалось, наши души полностью созвучны друг другу. Мое присутствие ему совершенно не мешало. Он не чувствовал, что в комнате есть кто-то еще. Святослав Николаевич любил бывать наедине, но когда я входила в студию, чтобы сделать что-то, это не нарушало гармонию. Он обычно разогревал свои краски на лампе. Там на столе стояла небольшая лампа. Он зажигал ее, ставил на подставку чашечку с краской, наливал воду и добавлял камедь. Говорил, что этой технике научился у отца. Размешивал камедь палочкой, разогревал ее и затем использовал, распыляя на холст, чтобы краски хорошо приставали. Это была особая техника письма темперой.

Святослав Николаевич рассматривал свою картину в разных ракурсах. Отходил, подходил, держа в руках две-три тонкие кисти, и наносил один мазок здесь, другой там. Иногда подзы-

Святослав Рерих с учениками школы им. Шри Ауробиндо. 1980-е

вал меня и что-то говорил; но всё было гармонично, ни одной несозвучной ноты.

У него было очень много альбомов для эскизов, цветных карандашей и красок. Он часто сидел за своим столом в студии и разрабатывал небольшие композиции. Его рука так и носилась над листом бумаги, карандашная линия заполняла лист быстро, как вода. Это было удивительно. Потом он добавлял краски. Если набросок казался неудовлетворительным, делал еще один, и еще, пока не достигал того, чего хотел. И только тогда писал сюжет на холсте. Обычно он выбрасывал эти небольшие листы с набросками, ему они больше не были нужны, но я забирала их и хранила у себя. Иногда он рассматривал мое лицо, или чье-либо другое, наблюдая, как оно освещено. Говорил: «Детка, ну-ка подойди

сюда», — и смотрел, как распределяется свет на лице. Или просил меня протянуть руку и наблюдал, где пролегают тени, полутени и т.д. Очень большое внимание уделял деталям. Когда Святослав Николаевич писал портрет миссис Ганди, последний из ее портретов, он сначала проработал лицо, а затем — остальные детали.

Портрет Индиры Ганди — это последняя большая работа Святослава Николаевича. Инициатива принадлежала Радживу Ганди. Он написал письмо доктору Рериху, в котором спрашивал, что необходимо художнику для создания портрета. Святослав Николаевич согласился и попросил выслать фотографии, а также несколько сари Индиры Ганди. Всё это было получено: множество снимков и книг с фотографиями. Я помогала ему, делала в книгах закладки.

С.Н.Рерих. Линалое. 1970
Государственный музей Востока, Москва

Мы вместе выбирали сари, остановились на белом с золотой каймой.

Доктор Рерих поинтересовался также, где будет висеть портрет Индиры Ганди. Раджив ответил, что портрет намечено поместить рядом с портретом Джавахарлала Неру, тоже написанным Святославом Рерихом. Тогда Святослав Николаевич решил изобразить Индиру молодой, так как Неру на портрете был достаточно молод, и художник не хотел, чтобы Индира выглядела рядом со своим отцом как его мать или бабушка. Для работы понадобилось найти девушку, похожую на Индиру, соответствующую ей по росту и сложению. Отобрали трех натурщиц. Затем было сделано множество снимков в разных позах и одеяниях. И лишь избрав определенную позу и

соответствующее сари, художник начал портрет. Прежде всего он написал лицо. Святослав Николаевич всегда и во всем добивался совершенства, так было и с его последней работой.

— *Следовал ли Святослав Рерих в жизни какой-либо философской системе или учению?*

Святослав Рерих с большим уважением относился к учению Шри Ауробиндо, это очень глубокое учение. Доктор Рерих имел открытый ум. Он совершенно не был ограничен предрассудками. Если его просили принять участие в каких-то ритуалах, например в пудже, всегда соглашался. Не вступал в противоречия ни с кем. Для него Бог был везде. Я читала ему вслух произведения Шри

Ауробиндо, особенно когда он был в отеле «Ашока». Читала отрывки из поэмы «Савитри», прекрасные строки, он всегда был очень рад их слушать. Иногда это трогало его до слез.

Доктор Рерих говорил о Живой Этике, об Агни-йоге. Это всё было частью нашей жизни, изо дня в день. Он читал мне «Филокалию» («Добротолубие»), русское произведение, переводил некоторые строки, мысли, отдавал их в офис печатать и напечатанные передавал мне. У меня есть целая папка материалов из Учения. Давал мне письма матери, книгу писем Елены Рерих. А также книги, которые читала его мать и где она делала пометки на полях. Мы часто обсуждали эти вопросы. Он рассказывал о своих отце и матери с очень глубоким чувством. Я полюбила его родителей благодаря ему.

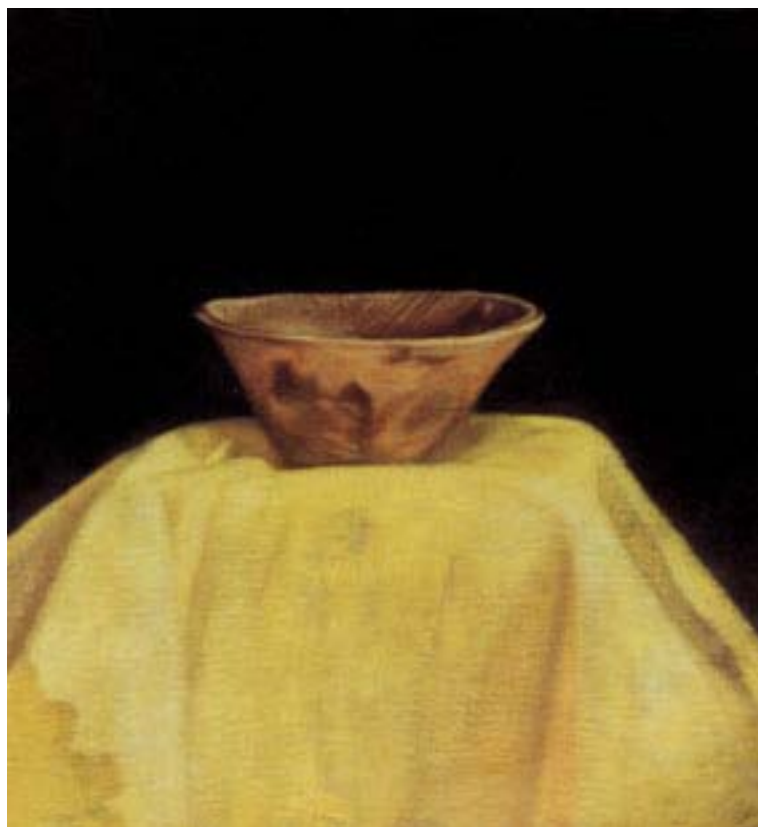
— Известно, что Учение Живой Этики связано с именами родителей Святослава Рериха. Рассказывал ли вам Святослав Николаевич подробности из их жизни?

О, множество! Но всегда в том или ином контексте. Если возникал какой-то вопрос, он мог сказать: «Мой отец в таких случаях обычно говорил то-то», или «Моя матушка говорила то-то». Мы проводили много времени вместе, занимаясь текущими делами, никогда не сидели без дела. Всегда была какая-то работа. Святослав Николаевич очень интенсивно работал, очень интенсивно. И в определенном контексте мог сказать о своих родителях. Он всегда говорил о них замечательные вещи. Рассказывал смешные истории, интересные случаи. Я чувствовала, что почти лично знакома со всеми ними. Святослав обладал замечательным чувством юмора. Рассказывал о Юрии. Когда тот был маленьким, за ним ухаживала няня. И Юрий, ребенок, очень любил диктовать свою автобиографию. Он говорил: «Няня, садись, слушай мою жизнь и пиши». По

словам доктора Святослава Рериха, Юрий всегда начинал с предложения — с очень серьезным видом: «И наконец я родился». Святослав много рассказывал о своем детстве, об их семье. И очень много — о своей матери.

— Какое впечатление произвело на вас имение Татгуни? Было ли это место действительно ашрамом Учителя?

Когда я впервые приехала в Татгуни, почувствовала себя там, как в раю. Потому что и доктор Рерих, и Девика поддерживали всё на очень высоком уровне, во всем ощущался стиль и заботливая рука. Чисто, художественно, эстетично, целесообразно организовано, и в то же время просто и естественно. Это была чудесная смесь. Ничего кричащего, неестественно яркого, всё естественно прекрасно и всегда чисто. И поскольку оба они очень любили природу, всё пространство было наполнено их любовью. Поэтому Татгуни показалось мне сказочной страной. Все деревья в чудесной зелени, светло-зеленого цвета. И когда листва освещалась солнцем, зелень становилась как камень перидот. Листья небольшие, и деревья тоже невысокие. Под ними можно было ходить, но они не были высокими. Меня поразило величие и свежесть этого места. Посредине были высокие серебристые дубы. Я спросила Святослава Николаевича, почему высокие деревья посажены на таком близком расстоянии друг от друга? Он ответил, что они служат защитой от ветра, «разбивая» его. Линалое, масличные деревья, родина которых — Мексика, имеют маленькие, неглубокие корни, и сильный ветер может вырвать их с корнями. А серебряные дубы разбивали напор ветра, защищали от него более слабые растения. У доктора Рериха для всего были чудесные объяснения. Он знал все деревья в имении и говорил мне: «В прошлом году эти деревья принесли большой урожай плодов, в этом

С.Н.Рерих. Чаша Будды. 1934
Венкатаппа галерея, Бангалор, Индия

году урожай будет больше с другой стороны». Он знал всё в точности.

Мексиканские деревья-эфироносы давали плод, похожий на ягоду. Из этих ягод затем добывали масло прямо в имении. На время сбора урожая приглашалось много работников, число их доходило до 80 человек, так как необходимо было собрать плоды, пока они не испортились. Плоды линалое очень любили попугаи, которые стаями прилетали в усадьбу и лакомились их красными семенами с черным пятном. Прилет попугаев знаменовал собой созревание плодов, и Святослав Николаевич гово-

рил: «Прилетели попугаи, пора собирать урожай».

Из мякоти и из семян производились соответственно разные сорта масла. Доктор Рерих всегда дарил своим друзьям флакончики с маслом. Всё в имении имело естественный ритм. В разных местах, в зависимости от почвы, солнечного освещения и т.д., плоды созревали в разное время, и Святослав Николаевич составлял карту созревания плодов, день за днем отмечая изменения.

После линалое приходило время сбора лимонной травы цитронеллы, масло которой использовалось для от-

пугивания москитов. И доктор Рерих, принимая гостей, всегда одаривал их этим маслом, советуя смочить им одежду. Всё это было похоже на сказку.

Когда я впервые вошла в его студию, то почувствовала, что вся атмосфера в ней глубоко пропитана красотой. Помню, как поразила меня эта атмосфера красоты. У каждого предмета там была своя история, и у древних, и у современных. Как бы кристаллизация их жизни, их прошлого.

— Вы говорите, жизнь Святослава Рериха была окружена красотой. Может быть, существовала какая-то тайна? Говорят, он хранил Камень Чинтамани и Чашу Будды...

Не было тайны как таковой. Он был глубоко духовным человеком, притом в высшей степени разумным. Обладал чрезвычайно развитым умом, научного склада, и в то же время художественным, эстетическим. Таинственности не было. Он дорожил высокими понятиями. И разговаривал с людьми в соответствии с тем, насколько они ценили и понимали это. Никогда не говорил с теми, кто не понимал. О духовном нельзя говорить тому, кто спрашивает из любопытства, но лишь ищущему. Он действительно хранил Чашу Будды и Ларец, полученные, как он говорил, его родителями от Учителей. Святослав Николаевич показывал мне эти святыни. Но вовсе не сразу после того, как я его встретила. Прошло время. И когда он показывал их мне, всё происходило в атмосфере глубокого понимания и полного доверия.

Для меня он был очень здравомыслящим человеком и очень глубоко понимающим. Вы знаете, что я почитаю Шри Ауробиндо. Но в мое время Шри Ауробиндо уже не жил во плоти. А в жизни нам нужен тот, кто мог бы нас направлять. Поэтому, когда я встретила Святослава Николаевича в Бангалоре, исполнилось мое горячее желание — почитая Шри Ауробиндо, иметь Учителя на земле.

— Как Святослав Рерих понимал духовность?

Духовность не была для него такой, как понимают ее многие люди, — исполнением церемоний, обрядов. Нет. Для него духовность состояла в том, чтобы любить всех и каждого, делать всё настолько совершенно, насколько это в наших силах, быть добрым, радостным, благодарным, исполнять любую работу творчески. Сочетание всего этого и было для него духовностью. Так же это было и для меня. Он был так созвучен мне, моим мыслям. Я нашла в нем очень много такого, чему могла поучиться. Вот почему я пришла к нему. Всегда искала кого-то, какой-то источник, из которого могла бы набираться знаний, чтобы расти, в этом была цель моей жизни.

— Что вы можете сказать об отношении Святослава Рериха к индийскому искусству?

Он любил всё индийское. Индийский ландшафт, индийские цветы, вообще природу. Чтил Индию, индийскую культуру и знал о ней очень и очень много. Иногда, когда к нему в офис приходили индийские посетители, он говорил об индийских книгах и культуре вообще и оказывалось, что он знает гораздо больше нас. Он обладал огромными знаниями не только об индийской культуре, но и о мировой. На его картинах представлены различные районы Индии — Гималаи, Керала, Карнатака. Святослав Рерих писал пески Раджастан, светящиеся в лучах заката. Улавливал дух местности и запечатлевал его на холсте. Очень любил деревни. На многих его картинах изображены маленькие деревенские домики, или деревенские женщины, или рыбаки. Он находил в них какую-то естественную красоту — они близки к земле. Его всегда очаровывали типы природной красоты. Во все обязательно обращался к некой совершенной красоте, которая казалась бы

таковой для всего мира. Он обращался к тому, что являлось его взглядом как продукт природы.

— Известно, что Святослава Рериха особенно восхищали индийские танцы, он очень часто рисовал танцовщиц. Например, существует 24 портрета Рошан Ваджифдар.

Да, Святослав действительно писал портреты Рошан Ваджифдар, он рассказывал мне о ней. По его словам, она обладала спокойным и мягким характером. И, конечно, у нее были прекрасные черты лица. Это была очень тонкая, утонченная натура. Парсийская девушка, она освоила все школы индийского танца, но выбрала стиль Бхарата Натьям. Одно время Рошан жила в гостевом доме в Татгуни. Девика Рани тоже души в ней не чаяла. Доктор Рерих использовал ее как модель для своих картин, написал много ее портретов. Когда он планировал большое полотно, то прежде чем приступить к работе, проводил несколько занятий, изучая лицо модели в разных ракурсах. И делал наброски, которые называл «этюдами». Иногда он делал их маслом, иногда мелками (или «карандашами»). И только когда был доволен этюдами, приступал к большой картине. Так что очень часто эти маленькие портреты оказывались лишь частью работы над большим полотном, подготовкой к нему.

Святослав Рерих написал портрет Рошан Ваджифдар в натуральную величину, в красном наряде. Она изображена вполборота, в профиль, делающей шаг. Прекрасная картина, очень гармоничная. Доктор всегда видел внутреннюю красоту человека.

— Святослав Рерих очень хорошо чувствовал индийскую природу и душу. Можно ли сказать, что он был в какой-то мере индийцем?

Даже очень! Я всегда воспринимала Святослава Рериха как чудесного русского индийца.

— Вы придумали замечательный термин — «русский индиец»!..

Да, вы знаете, он был восхитительным человеком! Когда к нему приезжали русские, его лицо становилось сияющим. Я видела мягкий румянец радости на его лице. Он стремился всё показать, доставить им радость, и сам бывал счастлив. Иногда гости как-то проявляли свою любовь, приносили небольшие подарки, он очень их ценил. Однажды сказал мне русскую поговорку о том, что каждый дар сам по себе совершенен и есть благословение.

— Как вы думаете, может быть, «русский индиец» — это даже некий новый тип будущей расы?

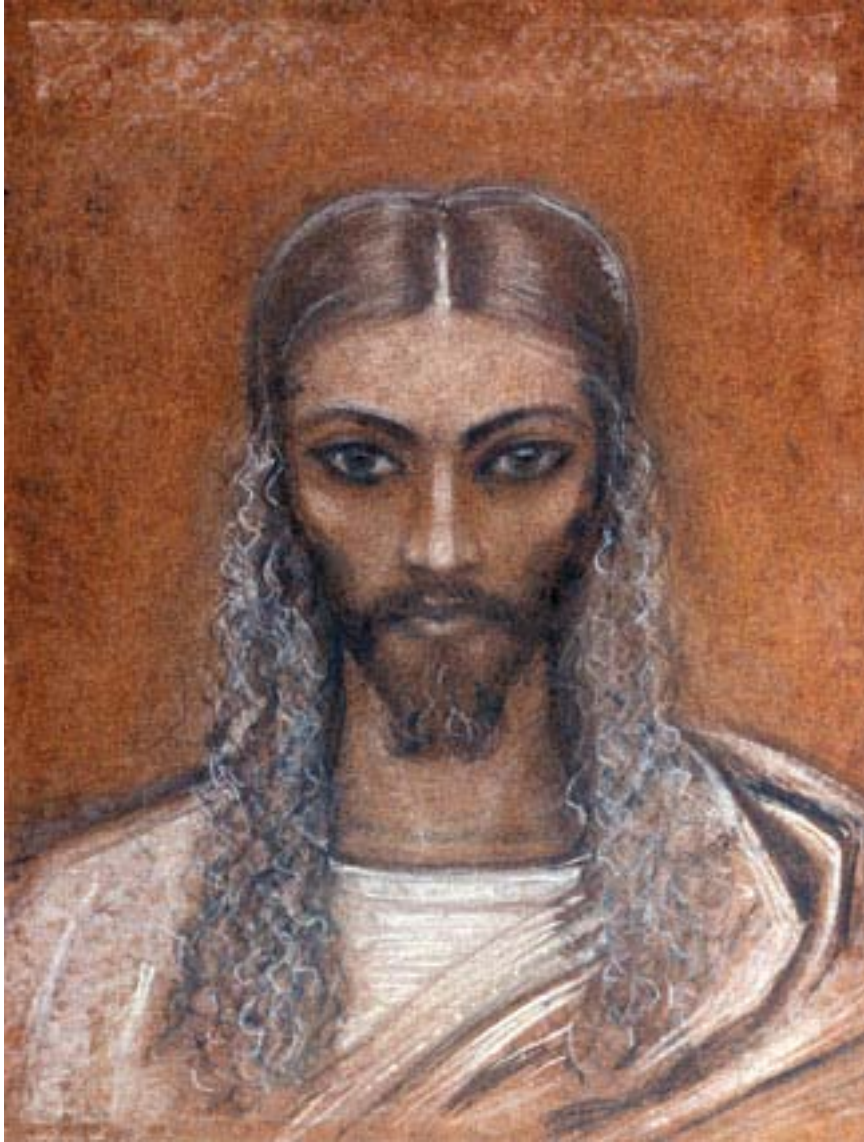
Пожалуй... Я уверена, что русская душа, русский темперамент, русское сердце очень близки индийским, ближе, чем душе других народов.

— Елена Рерих называла своего младшего сына Махатмой. Как вы полагаете, Святослав Рерих был Гуру, высоким Махатмой?

Да, это так. Каждый, кто хотел, мог научиться у него очень многому. В действительности, фактически, он был Гуру, хотя и не ставил себя в такое положение. Святослав Николаевич производил впечатление очень простого человека. Он знал чрезвычайно много, но вовсе не гордился этим. Вся его натура была пронизана благожелательностью. Так что, поистине, он был Гуру, но не в том смысле, как обычно понимают это слово. Кто такой Гуру? Это тот, у кого мы можем чему-то научиться, кто может указать путь и сделать нас лучше. Именно таким Гуру он и был.

— Во что верил Святослав Рерих, имел ли он какое-то кредо?

Я думаю, он верил в идею красоты, гармонии, в труд художника, в обучение и продвижение, потому что сам обладал

С.Н. Рерих. Иисус Христос. 1960-е
Карнатака Читракала Паришад, Бангалор

таким складом ума — он всегда учился. Верил во всё великое, возвышенное и достойное. Однажды я спросила его: «Какое чувство было преобладающим в Вашей жизни?» И он ответил: «Сострадание, другими словами — любовь и доброжелательность».

— *Поскольку Святослав Николаевич говорил о любви, можно ли сказать, что он был художником-христианином? Ведь он писал Христа...*

Да, писал. Святослав Николаевич почитал Христа, относился к нему с очень большим пиететом, потому что Иисус Христос нес любовь и милосердие. И портрет Христа у него называется «Возлюби ближнего своего как самого себя». Но взгляд доктора Рериха на Христа не был взглядом христианина как такового. Это взгляд того, кто почитает красоту во всем.

— *Значит, красота — это самая высокая из его идей?*

Я не могу утверждать, что такова его высочайшая идея. Лишь в той мере, в какой я его знала... Никто никогда не мо-

жет узнать другого человека полностью. Он посвятил Иисусу Христу несколько картин. И у его отца тоже есть такие картины. Одна из работ Святослава Рериха находится в моем офисе — «Христос на берегах Галилеи». Она написана в коричневых тонах, и образ Христа исполнен милосердия и сострадания.

— *Как вы думаете, на его картинах запечатлен образ подлинного Христа...*

Однажды он показал мне письмо, его копия сохранилась в моем архиве. Современник Христа описывает некоему царю внешность Иисуса из Назарета — Его лицо, светлые волосы и особенно голубые глаза. Доктор Рерих дал мне прочитать это письмо. Оно приведено в книге Мережковского.

Святослав Николаевич Рерих был подлинно духовным человеком, не «духовным» в обычном смысле этого слова. Он глубоко продумывал и переживал каждое свое произведение и лишь затем осуществлял его, вкладывал в него всю свою душу. Думаю, он был одним из самых замечательных художников нашего времени.

*Перевод с английского
Егора Фалёва*